

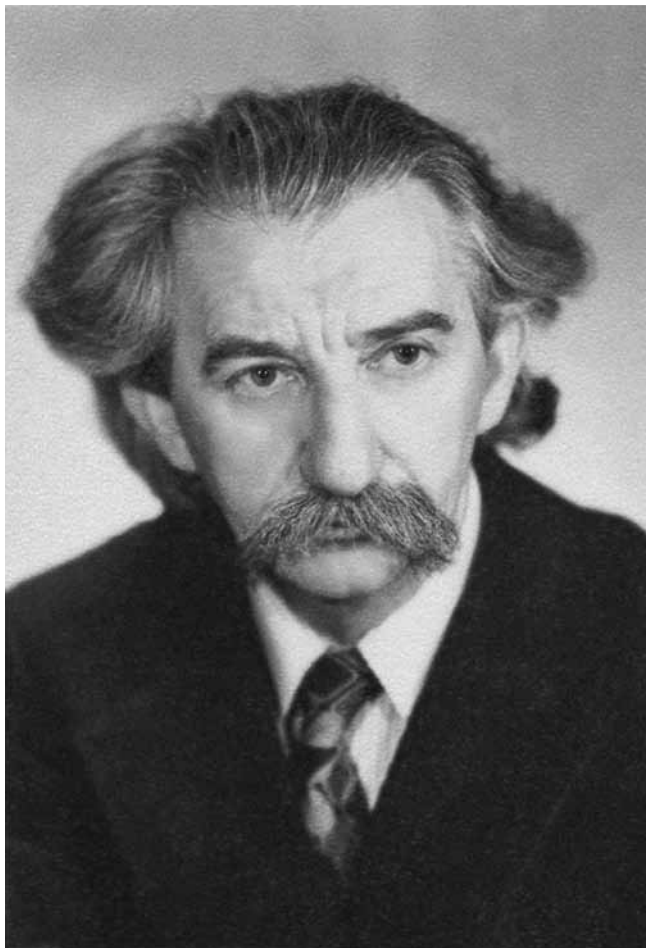
ОБ ЭВОЛЮЦИИ Ю. М. ЛОТМАНА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Осенью 1970 года студенткой первого курса я пришла к Юрию Михайловичу Лотману получать тему для работы в его семинаре. Мне предшествовал слух, будто я хочу просить тему по семиотике — слух не только ложный, но и опасный. Ложный — потому что я не хотела ничего подобного: мой отец, из довоенной русской рижской интеллигенции, выписывал из Тарту «Труды по русской и славянской филологии» и «Блоковские сборники», а «Труды по знаковым системам» считал изданием лишним, и семиотика была мне не знакома. Опасность же заключалась в том, что сам Ю. М. в этот период и позже с недоверием относился к студентам, желавшим вступить на путь теории. На моей тартуской памяти, которая простирается на 20 лет, правда, с большими, многолетними даже, перерывами, он не только не предлагал тем по семиотике, но отстранял от себя студентов и молодых исследователей, пытавшихся отстаивать свои теоретические интересы.

В 1970–1980-е годы — в пределах моего видения — в русской филологии развивались три большие научно-просветительские школы, сходные по некоторым общим установкам и задачам: школа Дмитрия Сергеевича Лихачева в Ленинграде, школа Никиты Ильича Толстого в Москве и школа Юрия Михайловича Лотмана в Тарту. Основатели и руководители ставили перед собой задачу восстановления разорванной культуры, воспитания новой научной гуманитарной интеллигенции, не знавшей «плена». О принципиальной установке своей школы на просветительство Ю. М. заявляет в своих «Не-мемуарах», которые он диктовал в последний год жизни.¹

И Д. С. Лихачев, и Н. И. Толстой, и Ю. М. Лотман — все трое сами, будучи еще полными энергии, представляли собою связь времен, сохранили академические культурные традиции в особо трудных условиях — войны, лагеря, террора — трезво оценивали возможности, разрабатывали стратегии и требовали дисциплины. Никита Ильич Толстой и Дмитрий Сергеевич Лихачев не допускали своих учеников к дедуктивным теоретическим исследованиям, вероятно, полагая, что методологические предпосылки, на которых только и могут основываться дедукции, — самая поврежденная область

¹ *Лотман Ю. М.* Не-мемуары // Лотмановский сборник I. М., 1995. С. 49. Ю. М. здесь отмечает важную роль в этом деле З. Г. Минц и Б. Ф. Егорова. Для школы Н. И. Толстого значительна роль Светланы Михайловны Толстой. Перечисляя эти школы, совершенно не претендую на обозрение общей картины академических школ того времени, речь идет о просветительстве, строительстве моста через образовавшуюся в XX веке пропасть; цели эти были наиболее открыто сформулированы Д. С. Лихачевым. Подобные задачи восстановления культуры и просветительства ставил перед собой и В. Н. Топоров, но он решал их преимущественно через личное научное творчество, хотя его влияние распространялось широко, в том числе на школу Лотмана. Несомненно, были и другие школы, направления с подобными установками в разных областях гуманитарных исследований, три названные мне представляются наиболее влиятельными, принадлежа к лотмановской, я примыкала к двум другим.

1978 г. Фото из архива Л. Н. Киселевой

гуманитарной мысли. Юрий Михайлович Лотман перешел из 60-х годов, из периода теоретического подъема и методологической определенности к сомнениям и исканиям, его идеи эволюционировали в новую сторону, находились в постоянном становлении, он больше не мог и не хотел предлагать четкие парадигмы и старался не преподавать теоретические дисциплины.

Для всех трех школ основой и центром исследования были текст и слово как микротекст. Интенсивная детальная работа с текстом и словом — живыми, порождающими смыслы манифестациями культуры — была лучшим и единственно возможным началом исследовательского пути. Прежде чем прийти к обобщениям, нужно было годами склоняться над редакциями и вариантами средневекового текста у Лихачева, собирать и обрабатывать материал полесских и других экспедиций у Толстого, оба они, впрочем, вообще не склонны были благословлять на теории. Что предлагал Ю. М., я сейчас расскажу.

Итак, я пришла за темой для первой курсовой работы. Ю. М. принимал в таких случаях у себя дома, в большом кабинете, заполненном книгами по всем стенам сверху донизу. Я устроилась поближе к полке. Он сидел на низком кресле перед низким письменным столом из досок, в виде буквы П, заваленным открытыми книгами по всему периметру: готовился «Дом сумасшедших» А. Ф. Воейкова для тома большой серии «Библиотеки поэта».² Быстро выяснив по моему невнятному бормотанию, что никаких особых претензий у меня нет, что-то еще вычислив, Ю. М. вскочил и стал взлетать по стремянке к самым верхним полкам, засыпая меня полезными книгами. Мне до сих пор кажется, что летал он для размышления и для собственного удовольствия, самые полезные книги и первая из них — монография Н. И. Мордовченко «Русская критика первой четверти XIX в.» (М.; Л., 1959) — лежали у него на столе. Мне была дана тема «Литературная позиция „Северной пчелы“». Дерпт — город Фаддея Булгарина, и в библиотеке здесь хранились полные комплекты его газеты и вся периодика его времени. Мне предстояло посвятить себя чтению сотен и сотен номеров «Северной пчелы», а также, для полноты понимания ее литературной позиции, — всех остальных журналов и альманахов того времени — мы сговорились на первых пяти годах, до 1830-го. Через год плод моих каторжных трудов, занимавший три страницы, удостоился публикации в сборнике тезисов студенческой конференции. Тема, по существу, была действительно важной и значительной. Сам Ю. М. в университетские годы выбрал научным руководителем Н. И. Мордовченко и занимался в его семинаре, своих студентов он формировал, заставляя повторять свой университетский путь.³ Сплошное чтение периодики, переписка, дневников, литературы и критики за протяженный во времени период давало возможность непосредственно ощутить динамику литературных, политических, исторических процессов. Тема вытекала из исследований Ю. М. наступившего времени. Здесь было и испытание — бросить начинающего в реку и посмотреть, выплывет ли. Наконец, здесь было требование самозабвенного интенсивного труда в его собственной манере, сложившейся в период, когда с войны он вернулся в Ленинградский университет и приучил себя спать по четыре часа, чтобы оставалось больше времени для занятий. Все это были методы и приемы, которые Ю. М. применял к студентам своего семинара (обычно это были студентки, мальчики редко приживались в таких условиях).

² Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана. Л., 1971.

³ О военных и студенческих годах Ю. М. Лотмана — важнейший источник — его краткие «Не-мемуары». История университетского пути Ю. М. по мемуарным свидетельствам современников представлена в монографии: *Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана*. М., 1999.

В центре внимания семинара было изучение культурного быта первой четверти XIX века с погружением в источники и изучением деталей материального быта в их знаковых аспектах. Это была индуктивная семиотика культуры, хотя она никогда так не называлась, — занятия, готовившие к филологической работе с литературными текстами и интересные самому Ю. М. для его трудов над комментариями, особенно над «Евгением Онегиным», и в конечном счете — для размышлений о динамике культуры. С конца 60-х и в начале 70-х годов Ю. М. каждое лето отвозил весь свой большой студенческий семинар в Ленинград или в Москву, водил в архивы, где сам работал, в музеи, библиотеки, организовывал встречи с учеными, сохранявшими печать старой академической культуры: В. М. Глинкой, П. А. Зайончковским и другими. Петр Андреевич возил нас на Бородинское поле, Глинка учил «читать» портрет по историческим деталям, на нем изображенным...

Периодом, наиболее полезным для образования русского филолога, Ю. М. считал XVIII век и по своему университетскому опыту, и по общим соображениям: в этот период культурные процессы особенно динамичны и, вместе с тем, структурированы и хорошо документированы, сильна и эксплицитна филологическая, историческая, моральная рефлексия, относительно обозримы и доступны материалы литературы от низовой до самой высокой, рукописи, издания. Работу с ними, длительные пребывания в Ленинграде и в Москве Ю. М. включал в учебную программу. Помню себя на третьем курсе отправленной в Пушкинский Дом, в группу XVIII века для чтения только что защищенной диссертации В. П. Степанова о М. Д. Чулкове и русской прозе середины XVIII века. Первостепенная необходимость ознакомиться с этим трудом, а также углубиться в чтение романов о милорде Георге, о рыцаре Францыле Венециане, изучить редакции и варианты повести о Ваньке Каине оправдывала в глазах руководителя пропуск текущих учебных занятий (сам он, впрочем, в тот семестр лекций не читал по болезни). В группе XVIII века меня приняли добродушно и внимательно — у всех здесь (кроме Г. Н. Моисеевой) Ю. М. пользовался исключительным уважением — и в дальнейшем не отказывали мне в дружественной научной заботе, хотя и называли, подшучивая, «структуралисткой».

Для самого Ю. М. XVIII — начало XIX века и пушкинская эпоха с университетской юности до конца были основным «полигоном» для разработки его идей о литературном развитии и динамических процессах культуры.

После августа 1968 года, события которого Ю. М. воспринял как катастрофу, после обыска, проведенного у него зимой 70-го, и многого другого подобного он в начале 70-х годов был особенно сосредоточен на лекционных курсах по истории русской литературы XVIII — первой четверти XIX века, в которых продумывал, проговаривая, особенности поведения, личные эволюции протагонистов литературного, культурного процесса, отмеченного влиянием больших исторических событий — Французской революции, наполеоновских войн, декабристского восстания — Новикова, Радищева, Карамзина, Пушкина и многих других. Выбор культурной модели поведения — античной, чтобы с достоинством вступить в поединок с Историей — самоубийство Радищева, растерянность Новикова, занятого мирным просветительством и, в отличие о Радищева, не выбиравшего путь страдания, или сложно выстраиваемые, продумываемые отношения Карамзина с историей, приводящие его на путь историка, — все это колебалось между личной рефлексией и историко-культурным теоретическим размышлением. Любимым афоризмом Лотмана в то время была цитата из статьи Пушкина о Радищеве: «Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют».

Но над всем царили лучшие поэтические произведения как самое совершенное средоточие наиболее значительных смыслов, как область свободы. Вдохновенная лекция в вечернее время; читается «Водопад» Державина: «...Екатерина возрыдала...» — Маленький Лотман становится величественным, его гремющий голос наполняет аудиторию и коридоры пустого в этот час классицистического здания Александровской эпохи и, кажется, достигает доорических колонн, выходящих на ночную улицу.

Много времени спустя после завершения пути Юрия Михайловича Лотмана становится очевидным, что доминантой его всегда был историзм, будь то марксистский,⁴ или гегелевский, или в духе философии XVIII века, философии культуры Дж. Вико.⁵

Сопоставляя работы Ю. М. 50-х годов, особенно книгу о Кайсарове,⁶ и его же труды 70-х годов о том же периоде, тех же персонажах русской культуры рубежа XVIII–XIX веков, видим, что 60-е годы преобразили его как историка.⁷ Он отошел от марксизма как модификации гегельянства, в которой гегелевский исторический процесс лишался своей устремленности к динамике и проявлял тенденцию к застыванию в устойчивых формах, и перешел на позиции исторической диалектики, более близкие к Гегелю. Объектом его исследования стали явления культуры в их динамике, текст в развитии, смыслы в процессах усложнения, протагонисты культуры — в их эволюции. Если в 50-е годы фоном его исследований было представление об истории как о развитии социально-экономических отношений, то в 70-е годы эти факторы исчезли с его горизонтов: история отождествилась с культурой и стала процессом развития человеческого разума.

Структурализм и семиотика не были для Ю. М. освобождением от марксистской догмы (Ю. М. в той мере, в какой он был марксистом, был независим от советской фальсифицирующей догмы). Наоборот, структурно-семиотические исследования в 60-е годы не уводили от марксизма, они осуществлялись и в Европе на фоне его обновления, общего оживления левых интеллектуальных движений, нового подъема левых идей с элементом социалистического и гуманистического утопизма.

60-е годы в отношении политических надежд и в интеллектуальной жизни были периодом новой победы статического компонента — утопии,

⁴ О марксизме Лотмана в свое время не без провокационных целей написал М. Л. Гаспаров (*Гаспаров М. Л. Лотман и марксизм // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 7–13*). Он остроумно показывал роль диалектики в лотмановском структурном анализе, но диалектика, по его утверждению, подчеркнuto упрощенно, могла быть только марксистской. Философские основы концепций Лотмана, как и все его наследие в целом, стали предметом многочисленных международных исследований, для обобщения которых уже создаются справочники второго уровня. Л. Н. Киселева, возглавляющая один из важнейших центров изучения Лотмана в Тарту, любезно сообщила нам о готовящейся к публикации коллективной монографии, где будет дан обзор идей Лотмана и будут учтены исследования, ему посвященные: *The Bloomsbury Handbook to Lotman / Introduction by M. Tamm and P. Torop*.

⁵ В лекциях начала 1970-х годов Лотман неоднократно ссылаясь на историзм в философии культуры Вико. Последние десятилетия Вико оказался включен в поле зрения профессиональных англоязычных семиотиков, и уже начинает рассматриваться сходство в представлениях Лотмана и Вико о знаке, о мифологическом мышлении, о структуре метафоры (см., например: *Tuuli R. Vico and Lotman: poetic meaning creation and primary modeling // Sign Systems Studies. 2008. [Vol.] 36. 1. P. 137–165*). Влияние историзма и идеализма Вико на Лотмана остаются пока, как кажется, вне специализации семиотиков.

⁶ *Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. 192 с. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 63).*

⁷ Важный источник, чтобы получить первое представление о хронологии развития ключевых для Ю. М. тем: Список трудов Ю. М. Лотмана / Сост. Л. Н. Киселева // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллинн. 1993. Т. 3. С. 441–482.

социалистической или гуманистической. В соответствии с этим передовые направления в гуманитарных науках — структурализм, семиотика синхронных систем — переживали период веры в ценность дедукции, в наличие стройных твердых предпосылок знания, в существование универсальных методов описания. На подобном же фоне, в типологически сходной ситуации, с доминированием утопического компонента в историческом сознании эпохи, осуществлялись в революционные и 20-е годы теоретические открытия формальной школы и московского лингвистического кружка. Сходство между гуманитарной эпистемой 60-х годов и 20-х так заметно, что расхожим стало мнение о генетической зависимости тартуско-московской школы от формализма или, во всяком случае, о необходимости изучать эти явления как связанные.⁸

Период интереса Ю. М. к анализу устойчивых систем и синхронных срезов в культуре, интенсивного сотрудничества с учеными Москвы, преимущественно лингвистами, возникновения круга «московско-тартуской» школы, издания первых «Семиотик» — «Трудов по знаковым системам», организации летних семиотических школ был, судя по всему — по письмам, по его собственным словам, — счастливым в научной биографии Лотмана. Он именно умел быть научно, умственно счастливым. Эти новые структурно-семиотические методы и московско-тартуские коллективные труды вместе со всей атмосферой 60-х годов давали на время иллюзию свободы от бремени исторического процесса, а вместе с тем — веселость духа в интеллектуальном труде.

Ю. М. мне сам говорил и, конечно, не только мне, что они — имелись в виду в основном он сам, Зара Григорьевна и некий условный круг друзей — были особенно веселыми летом 1968 года, много смеялись, а с августа 68 года это веселье навсегда ушло.

Тут уместно привести целиком поздний афоризм Ю. М.: «Как человек я по природе своей оптимист, но как относительно информированный историк я слишком часто сталкиваюсь с необходимостью ограничивать эту свою склонность».⁹

Ю. М. и в 60-е годы, и позже любил иногда давать волю оптимизму, т. е. исследовать и/или реконструировать нединамические ситуации, например, выявляя идиллические элементы и их роль в культуре: идиллическое пространство в «Старосветских помещиках» Гоголя, идея Дома у Булгакова, руссоистские тенденции русской литературы. Реконструкции, касающиеся древнерусской культуры, — оппозиция «честь» — «слава» или описание структуры географического пространства — тяготеют к такой идиллической статике. Но целостность границы идиллического пространства нарушается, пропадает в лесу домашняя кошечка старосветских помещиков, в образовавшуюся щель проходит смерть...

В поздний период, в сложном плане наблюдений над динамическими процессами философии культуры имело место отождествление неподвижности, статичности с энтропией, борьба с которой осознавалась и формулировалась как основная миссия историка, филолога, человека, действующего в культуре. Вот определение энтропии из поздней статьи «Баратынский. Два лица смерти»: «По сути дела, у Баратынского был один-единственный враг: энтро-

⁸ Исследования структурализма Лотмана, также и в связи с историей формализма, активно ведутся при Таллинском университете — одном из центров изучения наследия Лотмана. См., например: *Лотман Ю. М. О структурализме: Работы 1965–1970 годов* / Сост., подг. текста, сопроводительные статьи и комм. И. А. Пильщикова, Н. В. Поселягина и М. В. Трунина. Таллинн, 2018.

⁹ *Лотман Л. М. Мои воспоминания о брате Юрии Михайловиче Лотмане. Детские и юношеские годы* // Лотмановский сборник I. С. 145.

пия. Стабильное, лишенное различий выравнивание бытия в некоей единой уровневой неподвижности — вот такой, застывший на нуле мир, и был творческим кошмаром Баратынского. Ему противостояли и бытие, как накопление, рывок творческих сил жизни, и смерть, как провал в небытие, но провал оформленный, не безликое выравнивание, а негативное творчество — разбег перед новым рывком в бытие».¹⁰

Наиболее органичным для Ю. М. путем к обобщениям оставался путь, начинавшийся от анализа и исследования художественного текста и, собственно говоря, там же и заканчивавшийся.

Подход к поэтическому тексту как генерирующему новые смыслы благодаря возникновению особых связей и особых парадигматических отношений внутри устойчивой структуры целого — разработанный Ю. М. в 1960-е — начале 1970-х годов — был и в последующие десятилетия фундаментом его школы, хотя методы эволюционировали под воздействием все более усложняющихся идей о динамических механизмах культуры.

Уже сам структурный подход Ю. М. не был формальным анализом взаимодействия свободных приемов; образующиеся в поэтическом тексте новые связи и новые смыслы опирались, в видении Лотмана, на ресурсы языка и законы поэтического мышления, и структура текста служила раскрытию этих ресурсов. На дальнем плане лотмановского структурного анализа начинает проявляться теория параллелизмов А. Н. Веселовского и теория поэтического языка, мифа А. А. Потебни. Структурный анализ, даже еще имманентный по видимости, открывал перспективу для исследований диалектического взаимодействия языка культуры, создаваемого коллективным сознанием, и свободных проявлений творческой индивидуальной воли, что, в принципе, близко методам и установкам Веселовского.

В 1970 году, отвечая в «Новом мире» на вопрос о состоянии литературоведения, М. М. Бахтин выделил «Труды по знаковым системам» как направление Лотмана, а также книги Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» и Н. И. Конрада «Запад и Восток», как большие новые явления, поднимающиеся высоко над общим упадком, восстанавливающие связь с историей культуры: «У нас на протяжении довольно долгого времени уделялось особое внимание вопросам специфики литературы. В свое время это, возможно, было нужным и полезным. Следует сказать, что узкое спецификаторство чуждо лучшим традициям нашей науки. Вспомним широчайшие культурные горизонты исследований Потебни и особенно Веселовского»; «Названные мною выдающиеся литературоведческие работы последних лет — Конрада, Лихачева, Лотмана и его школы — при всем различии их методологии одинаково не отрывают литературы от культуры, стремятся понять литературные явления в дифференцированном единстве всей культуры эпохи».¹¹

Через десять лет, вслед за Бахтиным, цитируя его, об эволюции Лотмана написал итальянский филолог и философ, семиотик Д. С. Авалле. В 1980 году он выпустил сборник «Культура в русской традиции XIX и XX веков»,¹² включающий переводы статей Веселовского по исторической поэтике и Потебни о слове и мифе, а также отдельные работы о литературе Н. С. Трубецкого, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, В. Н. Топорова, В. В. Иванова,

¹⁰ Цит. по: Кузовкина Т. Д. Тема смерти в последних статьях Ю. М. Лотмана // *Russian Studies*. СПб., 1995. Т. I. № 4. С. 296.

¹¹ «Ответ на вопрос редакции „Нового мира“», опубликованный в журнале «Новый мир» (1970. № 11. С. 237–240), цит. по: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 329–330.

¹² *La cultura nella tradizione russa del XIX e XX secolo* / A cura di D'Arco Silvio Avalle. Torino, 1980.

Е. М. Мелетинского и, наконец, — статьи Лотмана и Успенского «Новые аспекты исследования культуры Древней Руси» и «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры до конца XVIII века».

Большая вступительная статья Авалле «Проблема культуры в русской филологии и лингвистике XIX и XX веков»¹³ — почти исключительно посвящена исследованию эволюции идей Лотмана, его трудам по типологии и динамике культуры, определению их места в эпистемологическом универсуме XX века. Авалле противопоставляет Лотмана 70-х годов и формализму, и его собственным ранним позициям, и доктрине московско-тартуской школы. По Авалле (передаем приблизительно и отрывочно некоторые положения — с иллюстративной целью), из анализа структурных законов языка и литературы следовал вывод об ограниченности числа структур, реально данных. На базе структурной фонологии рождались упрощающие интерпретации культуры. Ранний Лотман, как и формалисты, говорил о том, что число кодов в культуре ограничено. Уже в 1967 году есть предчувствие нового пути, нового взгляда на текст и его семантический динамизм; Лотман после долгого периода нетерпимого синхронизма («*sincronismo intollerante*») возвращает семиотику в историческое измерение, в диахронию, к эволюции.

Особенное внимание уделено Авалле связям идей Лотмана с Потебней и исторической поэтикой Веселовского. Кратко представим лишь два сопоставления:

1) Лотман, вооруженный новейшими методологиями, возвращается к неоромантической точке зрения на соотношение языка и духа, апеллируя к Потебне.¹⁴ По Потебне, слово — главный инструмент и первообразная модель мифологической мысли; по Лотману, культура — это не хранилище идей и текстов уже готовых, а живой механизм коллективного сознания.

2) Взаимодействие, как это видел Веселовский, принципа устойчивости, статичности формы, гарантирующего сохранение коллектива, и принципа обновления и свободы, необходимого для выживания «формы», соотносимо в общих чертах с лотмановским «динамизмом», хотя у Лотмана не говорится, что инновация и свобода являются необходимыми предпосылками для выживания «формы»...

Вернемся к теме ведущей роли художественного текста в развитии идей Лотмана. В центре внимания Ю. М. еще с 60-х годов и особенно в 70-е находился «Евгений Онегин» как текст сверхсложный, встроенный в множественные культурные, литературные контексты, созданный в процессе эволюции автора и скрывший в себе шифры этой эволюции; композиция романа обусловлена динамикой меняющихся точек зрения, поэтических литературных кодов; в разной оптике, в соотнесении с разными литературными традициями текст меняет оттенки значений. Исследование «Евгения Онегина» было, по-видимому, одной из важнейших основ для разработки новых более сложных теорий динамического текста и динамических механизмов культуры.

В теоретических тезисах 1981 года динамический текст рассматривается как рождающийся из предшествующих, существующий во множественности

¹³ *Avalle D. S. Introduzione. Il problema della cultura nella filologia e linguistica russe del XIX e XX secolo // La cultura nella tradizione russa del XIX e XX secolo. P. 6–66.* Предварительный вариант вступительной статьи публиковался отдельно в журнале «*Strumenti critici*» того же 1980 года.

¹⁴ Авалле находит отзвук идей Потебни в предисловии Ю. М. Лотмана к итальянскому сборнику его статей «*Testo e contesto: Semiotica dell'arte e della cultura*» (Laterza; Roma; Bari, 1980). Этот сборник новейших для того времени работ Ю. М. был основной базой для исследования Авалле.

контекстов, дробящийся, генерирующий новые тексты, образующий конгломераты и т. д., как деятельность коллективного сознания в большой временной протяженности, как «динамическая и порождающая все здание культуры система».¹⁵ Здесь «коллективное сознание» несколько абсолютизируется в спешке изложения. Так сформулированный, взгляд Лотмана на динамический текст может показаться близким теориям «открытого произведения», которые разрабатывались Р. Бартом, У. Эко и др. Понятие «открытого произведения» позже стало основой постмодернистской концепции текста как все снова и снова реализующегося в бесконечном взаимодействии с контекстами и интерпретациями. Сопоставление этих лишь внешне похожих концепций позволяет яснее понять особенность путей и основ мысли Ю. М.

Ю. М. до конца сосредотачивал свое внимание на диалектическом взаимодействии коллективного развивающегося в истории разума и индивидуальной свободы. Он не допускал в поле своего исследовательского зрения находящиеся вне таких диалектических отношений произвольные приемы или произвольные интерпретации, области авангардного или постмодернистского искусства, которыми питалась концепция «открытого произведения» в ее постмодернистском варианте.

Как гуманист и просветитель он отторгал релятивизм и по эстетическим склонностям не любил авангард. В релятивизме авангардного текста, в опустошенной форме, в редукционизме авангардных интеллектуальных теорий XX века ему виделась энтропия.

С другой стороны, Ю. М. никогда не достигал тех степеней материализма или идеализма, которые нужны, чтобы видеть в культуре в основном процессы развития коллективного сознания или проявления Абсолютного разума. Фактор свободы и этически ответственного личного выбора оставался действующим в его картине динамического развития.

В 1989 году он вернулся к размышлениям о Великой французской революции в связи с историческими процессами, которые ему и всем приходилось переживать. В докладе, который готовился для конференции на эту тему, он дал новое определение революционной ситуации, переделав привычное: «Революционные ситуации возникают тогда, когда массы осознают губительную безвыходность своего положения. Коллективное чувство отчаяния порождает в этих условиях не пассивность, продукт индивидуального отчаяния, — а бесконечную решительность».

Взрыв открывает новые, разные, непредсказуемые направления для развития. Стихийным или намеренно направляемым выбором коллективного сознания может быть путь, ведущий к деспотизму, террору. В этих условиях дело, которому Ю. М. посвятил столько десятилетий, — осмысление, выбор, просветительство — становится мгновенно и универсально необходимым — «боевая задача»: «Задача современной интеллигенции имеет двоякий характер. С одной стороны, она направлена на осмысление происходящих сложных процессов, с другой — на придание полученным выводам доступной общенародной формы. „Общественно-политическое просветительство“ становится боевой задачей демократических сил».¹⁶

¹⁵ Лотман Ю. М. Текст как динамическая система // Структура текста — 81. Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 104–105.

¹⁶ Лотман Ю. М. В перспективе французской революции // Тезисы докладов научной конференции «Великая французская революция и пути русского освободительного движения». 15–17 декабря 1989 г. Тарту, 1989. С. 6, 8. Тезисы были продиктованы Заре Григорьевне Минц, с этого времени и до конца жизни из-за болезни Ю. М. утратил возможность писать.